

Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого (фрагмент)¹

Бердяев Н.А.

Глава VII Война

Война есть основное явление нашего мирового эона. Это факт не только человеческой, социальной и исторической жизни, но и жизни космической. Гераклит говорил, что война носит всеобщий характер и что все разрешается через раздор. Космический характер войны вытекал для него из того, что мир есть движение и объят огнем. Гоббс утверждал первоначальное состояние войны. Война есть не только на земле, но и на небе, ангелы и демоны ведут войну. Мировая история в очень большой степени была войной, была историей войн. Краткие мирные периоды, напр[имер], последняя четверть XIX в., давали ложное представление, что для истории нормален мир, а не война. У гуманистов XIX в. были в этом отношении ложные перспективы.

Происходит война людей, война семейств, война классов и сословий, война внутри социальных групп и политических партий, война наций и государств. Наконец, есть не меньшая склонность людей к войнам вероисповедным и идеологическим. В сущности, никогда не было стабилизированного порядка, всегда была внутренняя война. Война есть предельное выражение всякого пути к реализации своих целей посредством силы. И всякий человек, проникнутый целостной идеей, которую он хочет во что бы то ни стало реализовать — осуществить господство христианской церкви, создать великую империю, сделать великую революцию, выиграть войну, — может проявить героизм, но и легко превращается не только в насильника, но и в дикого зверя. Война есть потому, что есть «это» и есть «другое», что всякая активность встречает сопротивление, что есть противоречие как сущность жизни мира. Люди не могут ужиться друг с другом, не могут ужиться ни в каких группировках: семейных, хозяйственных, государственных, социальных, религиозных или идеологических. Два друга, два возлюбленных, родители и дети, два единове́рца, два единомышленника легко переходят в состояние войны. Эгоизм, самоутверждение, зависть, ревность, самолюбие, интерес, фанатизм легко ведут к войне.

Есть экзистенциальная диалектика единства и разделения. Люди проповедуют братство людей, но не может быть братского единства между сторонниками братства людей и народов и его противниками. И сторонники братства поднимают войну против противников братства. Люди проповедуют свободу, но в отношении опасных противников

¹ Печ. по:

<https://www.google.ru/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.klex.ru/b1p&ved=2ahUKEwiGt4XzI9GIAxXoHBAIHW1oF9cQFnoECCIQAQ&usq=AOvVaw0PIGCyDYtO3jYacBE8rkK7>. – Дата обращения: 20.09.2024.

они принуждены применять насилие и отрицать их свободу. Люди борются со злом во имя добра и начинают творить зло в отношении к представителям зла. Люди и народ проникаются пацифической идеей уничтожения войны и для этого принуждены объявить войну сторонникам войны. Получается порочный круг. Психология фанатизма, фанатической и исключительной приверженности какой-либо идее, религиозной, национальной или политико-социальной, неизбежно ведет к войне. Действовать — значит встречать противодействие, бороться и в конце концов воевать. У людей есть глубокая потребность драться, есть неискоренимые военные инстинкты. Очень пацифические индусы в своей великой религиозной поэме Багават-Гита оправдывают войну и убийство на войне². Война создает свой тип общества, и всякое государство носит на себе символику войны. В войне обильно проливается человеческая кровь. Но пролитие крови имеет совсем особенное и таинственное значение. Пролитие крови отравляет целые народы и порождает все новые и новые кровопролития. Признавая убийство грехом и преступлением, люди все же любят идеализировать известные формы убийства: дуэль, войну, смертную казнь, маскированное убийство политических преследований. И кровь всегда порождает кровь. Поднявший меч от меча погибает. Пролитие крови не может не вызывать трепета. В древних оргийных культах связаны были кровь и пол³. И эта таинственная связь существует. Пролитие крови перерождает людей.

Трудность решения проблемы войны связана с ее двойственностью. С одной стороны, война есть зоологическая стадия в развитии человечества, есть грех и зло, с другой стороны, войны выводили из принижающей обыденности, возвышали над мещанской жизнью. Война делала возможными героические подвиги человека, она требовала храбрости, мужества, жертвенности, верности, отказа от безопасности. Но войны же разнуздывали самые низшие инстинкты человека — жестокость, кровожадность, насилие, грабеж, волю к могуществу⁴. Самый героизм может быть не только положительным, но и отрицательным. Соблазн военной славы носит антихристианский характер. С войной связана потребность обоготворения цезарей, полководцев, вождей, обоготворение антихристов, что нужно отличать от почитания гениев и святых. Две участи подстерегают человека: или война, насилие, кровь и героизм, переходящий в ложный соблазн величия, или мещанство, довольство, наслаждение жизнью, власть денег. Люди и народы колеблются между этими состояниями и с трудом достигают третьего, высшего состояния.

Война, говорю о настоящей войне, есть крайняя форма господства общества над личностью. Если это выразить иначе, то она есть явление гипнотической власти коллектива над личностью. Люди могут воевать лишь при ослаблении личного сознания и усилении сознания группового, коллективного. Развитие и усовершенствование способов ведения войны есть все большая ее объективация⁵. Усовершенствованная техника войны ведет к тому, что она все более отходит от рыцарской войны, в которой сильно было начало личной доблести и благородства. Огнестрельное оружие начало разрушать рыцарскую войну. Прежние войны, которые велись профессиональными армиями, были локализованы,

² «Le Bhagavad-Gîtâ» interprété par Shri Aurobindo.

³ См.: Вячеслав Иванов. Религия Диониса.

⁴ О двойственности войны есть замечательные мысли у Прудона. См. его «La guerre et la paix».

⁵ См.: Ulrich. La guerre à travers les âges.

не захватывали целиком страны и народы. Но усовершенствованная и объективированная война сделалась тоталитарной, от нее некуда укрыться. Очень сложное искусство войны есть все-таки искусство убивать⁶. Война есть великое зло, вернее, она есть выявление зла, которое клокотало в глубине при внешнем мире. Но тоталитарная война становится тоталитарным злом.

Обличение великого зла и греха войны не должно вести к отвлеченному пацифизму при всех условиях. При злом состоянии нашего мира война может быть меньшим злом. Если война захватная и поработительная есть абсолютное зло, то война защитительная и освободительная может быть не только оправданной, но и священной. То же нужно сказать о революции, которая есть форма войны. Революция всегда жестока, но она может быть и благом. Терпение есть добродетель, но она может превратиться в зло и потворствовать злу. Добро действует в конкретной мировой среде, сложной и темной, и действие добра не может быть прямолинейным. Добро принуждено иногда добиваться наименьшего зла. Окончательное прекращение войн связано с изменением духовного состояния человеческих обществ и социального строя. Капиталистический строй неотвратимо порождает войны. Преодоление войны также означает преодоление суверенитета государства и национализма. Преодоление же войн-революций требует радикального социального реформирования человеческих обществ.

Оправдывать войны и даже восторгаться ими и отрицать оправданность и допустимость революций есть ложь. В революциях льется кровь, но еще больше крови льется в войнах. Революция, которая всегда сопровождается ужасами, может быть меньшим злом, чем бесконечное терпение в отношении к рабству. Так необходимы иногда бывают маленькие революции в семье или в учреждении государственном, общественном или хозяйственном. Война и революция — судьи людей и народов, живущих в разрыве богочеловеческих связей, в изоляции не только человеческого вообще, но и отдельных частей человеческого. Прудон думал, что война будет преодолена, когда она будет превращена в революцию. Но это все-таки утопия думать, что вопрос об устройстве человеческих обществ может быть разрешен вне глубинного духовного изменения человека. Война всегда носит с собой варваризацию. Есть конфликт между цветущей культурой и военной силой. Так, например, более культурные народы вытесняются турками. В древнем мире наиболее воинственные и наиболее варварские ассирийцы побеждали всех. Нет основания оптимистически связывать силу в этом мире с правдой. Хотя ведение войн за освобождение и за правду может быть связано с настоящим духовным подъемом и может обнаруживать силу правды.

Единственным до конца последовательным пацифистом был Лев Толстой. Его учение о непротивлении злу насилием, его отрицание закона этого мира во имя закона Бога глубже, чем думают, его плохо понимают. Л. Толстой поставил перед изолгавшимся христианским миром проблему: можно ли небесными средствами достигнуть блага на земле? Может ли дух и во имя духа действовать силой и насилием? Есть ли в человеке божественное начало, которое сильнее всех насилий, совершаемых людьми? Можно ли управлять человеческими массами через Божью Правду? Л. Толстой был великим пробудителем уснувшей совести. Он

⁶ Я кончил эту книгу, когда была изобретена атомная бомба. Это важный момент в фатальной диалектике войны.

требовал, чтобы люди, верующие в Бога, жили и действовали иначе, чем в Бога не верующие. Он был ранен тем, что христиане, люди, верующие в Бога, живут и устраивают свои дела на земле так, как будто бы Бога нет, как будто бы не было Нагорной проповеди. И христиане, как и нехристиане, живут по закону мира, а не по закону Бога. Но закон мира есть война и насилие человека над человеком. Л. Толстой верил, что если перестать противиться злу и злым насилиям, то будет непосредственное вмешательство Бога и добро победит. Человеческое насильственное противление мешает действию Бога в людях. Эту точку зрения можно характеризовать как квинтетическую мистику, примененную к истории и к общественной жизни. У Толстого была большая критическая правда. Но ошибка его коренилась в том, что он не понимал тайны богочеловечности, т. е. двух природ различных, но соединяющихся. Он был монистом, стоявшим ближе к индусской религиозной философии и к буддизму, чем к христианской религиозной философии. Он с огромной силой обличал историческое зло, но у него не было чувства метафизического зла. Он был прав, когда думал, что насилием нельзя победить зла в человеке. Но его исключительно интересовал тот человек, который будет совершать насилие в борьбе против зла и злого, и как будто не интересовала судьба человека, над которым злые совершают насилие и которого нужно защищать, положив границу внешнему проявлению зла. Поэтому защитительная, освободительная война для него не отличается от войны захватной и порабощительной. Л. Толстой хочет, чтобы царствовал закон Бога, а не закон мира, закон любви, а не закон насилия. В этом он свято прав. Но как этого достигнуть? Окончательное торжество того, что он называет законом Хозяина жизни, означает преобразование мира, конец этого мира, этой земли и начало нового мира, новой земли. Но Толстой остается великим пробудителем для христиан.

Метафизическая проблема войны есть проблема о роли силы в условиях этого феноменального мира. Когда Л. Толстой учит, что не в силе Бог, а в Правде, то он русскую идею противопоставляет германской идее, он противостоит Гегелю и Ницше. Настоящее величие Л. Толстого было в его обличении неправды и ничтожества всякого величия в этом мире. Ничтожно и жалко всякое величие мира: величие царской власти, знатного рода, величие военное или величие богатства, роскоши, величие Юлия Цезаря и Наполеона. Это есть величие падшего феноменального мира, не возвышающегося до нумерального значения. Историческое величие слишком связано с ложью, со злобой, жестокостью, насилием и кровью. «Великие» исторические события — инсценировки, за которыми скрыта совсем иная реальность. Любовь человеческой массы, ее водителей к церемониям, к условной символике, орденам, мундирам, торжественно-риторическим речам, к полезной лжи свидетельствует о состоянии мира и человека в мире и учит, как ложью нужно управлять миром. Не только религиозно-нравственные трактаты Л. Толстого, но и «Война и мир» полна обличениями лжи этого мира, лжи истории и цивилизации⁷. Ничто так не свидетельствует о низости человека, как трудность для него вынести испытание победы. Человек находил в себе героические силы вынести гонение, но он не мог выносить победы, после победы он делался низок, совершал насилия и гонения. Христиане были подвижниками во время гонений. Когда они победили, они сами стали совершать гонения. Нет большего испытания,

⁷ Лучшая книга Л. Толстого религиозно-философского характера — это книга «О жизни».

чем испытание победы. И можно было бы сказать: горе победителям в этом мире. Есть парадокс диалектики силы и победы. Победа предполагает силу, и нравственную силу. Но победа легко перерождает силу в насилие и уничтожает нравственный характер силы. Все это приводит к центральной проблеме об отношении духа и силы.

Подавляющее большинство людей, и в том числе христиан, материалисты, они не верят в силу духа, верят лишь в материальную силу, силу военную или экономическую. И напрасно негодуют против марксистов. Самое противоположение духа и силы условно и неточно. Понятие силы многозначно. Его производят от опыта мускульного усилия и способности воли что-то реализовать. Но философия силы есть натуралистическая метафизика. Философия жизни, тоже натуралистическая, ведет к апофеозу силы. Натуралистическое понимание силы было перенесено и на социальную жизнь, и даже на церковную жизнь. Церковь постоянно прибегала к силе государства, т. е. к материальной силе. Но можно говорить не только о силе материальной, но и о силе духовной. Христос говорил как власть имеющий, т. е. с силой. Это был образ иной силы. Мы говорим — сила любви, сила духа, сила подвига и жертвы, сила познания, сила моральной совести, сила творческого подъема. Мы говорим о силе правды, силе свободы, о силе чуда, опрокинувшего власть силы природы.

Настоящее противоположение есть противоположение силы и насилия. Но и тут противоположение сложнее, чем обыкновенно думают. Кроме явного, бросающегося в глаза физического насилия есть менее заметное психическое насилие, которому постоянно подвергаются люди. Психическое насилие бывает даже ужаснее насилия физического. Тут есть сложная градация ступеней насилия. Насилием может быть воспитание, религиозное запугивание, семейные нравы, пропаганда, ежедневное внушение газеты, власть политических партий, власть денег, совершающая величайшие насилия, и мн[огое] др[угое]. Человека насилуют не только физические акты, но и психические акты, держащие человека в страхе. Режим террора есть не только материальные действия — аресты, пытки, казни, но прежде всего действие психическое, внушение страха и содержание людей в страхе. Так, в средние века запугиванием адскими муками совершали страшное психическое насилие над людьми. Психическое насилие существует всегда, когда во влиянии не действует внутренняя свобода. Дурная сила всегда связана с отрицанием свободы другого. Насильник любит свободу для себя, но отрицает ее для другого. Сторонники деспотических режимов все любят свободу для себя, они позволяют себе слишком большую свободу движения, ее следовало бы ограничить.

Сила сама по себе не есть ценность, сама по себе не есть добро. Высшие ценности в этом мире слабее низших ценностей, духовные ценности слабее материальных⁸. Пророк, философ или поэт слабее полицейского или солдата. Самая большая сила в падшем эмпирическом мире есть сила денег и сила пушек. Пушками можно уничтожить величайшие духовные ценности. Римские воины были сильнее Сына Божьего. Поэтому культ силы как силы безбожен и бесчеловечен. Культ силы есть культ низшей материальной силы, есть неверие в силу духа и в силу свободы. Но ложному культу силы, очевидно, противопоставляется не защита слабости и бессилия, а дух и свобода, в социальной жизни

⁸ Об этом есть интересные мысли у Н. Гартмана. См. его «Das Problem des geistigen Seins».

право и справедливость. Закон этого природного феноменального мира есть борьба индивидуумов, семейств, родов, племен, наций, государств, империй за существование и преобладание. Это закон войны. Демон воли к могуществу терзает людей и народы. Но в этот страшный мир может втереться начало духа, свободы, человечности, милосердия. Христос против первых, т. е. сильных. Христианство глубоко противоположно культу силы, оно против натуралистического подбора. Культ силы не русский культ.

Война ставит еще острее вопрос об отношении к врагу. Диалектика войны ведет к тому, что врага перестают считать человеком, в отношении к нему все дозволено. Рыцарство требовало и рыцарского отношения к врагу. Это еще долго оставалось. Врага хоронили с воинскими почестями. Но война перестала быть рыцарской, и именно потому, что стала тоталитарной. Жестокость разрешается и поощряется в отношении к врагу. Когда бывает жестокость в отношении к близким, то они делаются врагами. Диалектика войны, совершенно ее перерождающая и сообщающая ей все менее и менее человеческий характер, связана с необычайным ростом техники войны. Чудовищные по размерам разрушения и убийства, направленные на целые народы, приведут в конце концов к самоотрицанию войны. Новые орудия, газы и атомная бомба перерождают войну в новое явление, для которого еще нет имени. Орудия разрушения так страшны, когда они попадают в руки злых сил, что это с особенной остротой ставит вопрос о духовном состоянии человеческих обществ. Романтическая идеализация войны связана с культом героизма и героев. И это соответствует чему-то очень глубокому в человеческой природе. Но культ героев есть античный, греко-римский культ. В христианском мире он перерождается в рыцарство. В буржуазных цивилизациях рыцарство исчезает. Но величие продолжают связывать с войной. Последняя мировая война, впрочем, обнаружила необыкновенный героизм наряду с необыкновенным зверством. Но границы, которые рыцарское сознание ставит в отношении к врагу, нарушены. Преображенный христианский героизм очень мало имел возможности проявлять себя. Н. Федоров верил в возможность прекращения войны и направления неискоренимых воинствующих инстинктов человека на другую область, на борьбу со стихийными силами природы. Это свидетельствует о высоте нравственного сознания Н. Федорова, но также и недооценке им силы зла в человеке и мире.

Война, повторяю, есть зло, но не всегда самое большое зло, иногда меньшее зло, когда освобождает от самого большого зла. Война как мировое явление есть потому, что нет достаточных сил духа. Не верят в силу духа, верят лишь в дух силы. Вместо того чтобы видеть цель в духовной жизни и культуре, видят ее в государстве и росте могущества. Цели жизни подменяются средствами жизни. Подмена целей жизни средствами, превращение средств в самодовлеющую цель есть один из самых тяжелых по своим последствиям процессов в истории. Это всегда означает умаление духа. Преклонение перед силой есть ложный оптимизм и ложный монизм. Раздававшийся в мире крик победителей был слишком часто свидетельством, что мир во зле лежит. Разрешение сильным проливать кровь не от Бога исходит и скорее означает разрыв с Богом. Этот мир остается слишком равнодушным к тому, что правда распинается. Господство войны и военной силы в мире есть выражение неверия в силу самой истины, в силу духа, в силу Божию. Если дух есть сила, и величайшая сила, то в другом смысле, чем та сила, которая в мире почитается. Это сила, которая могла

бы сдвинуть горы с места. В мире возможны прорывы духа, и этими прорывами жив был человек и двигалась история к сверхисторической цели, к Царству Божьему.

Возможна ли в условиях нашего мира победа человечности? Человечность должна утверждаться даже в страшных условиях войны. Но окончательная ее победа есть выход за пределы этого мира. Война во всех ее проявлениях есть порождение разрыва богочеловеческой связи, безбожной автономии самоутверждающихся мировых и человеческих сил. Победа над злом войны, как и вообще над злом, предполагает радикальное изменение человеческого сознания, преодоление объективации как ложного направления сознания. Враг есть существо наиболее превращенное в объект, т. е. экзистенциально наиболее разобщенное. Воевать только и можно с объектом, с субъектом нельзя воевать. Но мы живем в мире объективации, в мире разобщенном, и потому в нем господствует война. Мир человечности, духовности, красоты, бессмертия есть иной мир, чем мир страхов, страдания, зла и войны, на котором я останавливался.